

ЕВА ВЕТЛИНА

Ты была
ПЕРВОЙ

— КНИГА 4 —

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Семья врага

Ева Ветлина

Ты была первой

«Автор»

2026

Ветлина Е.

Ты была первой / Е. Ветлина — «Автор», 2026 — (Семья врага)

Её любовь выдержала войну, предательство и женщину с её лицом на записи камер. Но выдержит ли она правду о том, с чего всё началось? Даша была уверена, что встретила Игоря случайно. Что её отец умер, когда ей было три года. Что двойник — чья-то жестокая игра, которая давно закончилась. Одна фотография, сделанная в их собственном доме, рушит всё. Отец жив и два года следил за каждым её шагом. Их с Игорем знакомство кто-то устроил заранее. А человек, который подставил её и украл миллионы, оказывается её родным братом. И он уже знает, как зовут её дочь. Настоящая ли любовь, если её начало придумал кто-то другой? Чтобы ответить, Даше придётся дойти до правды самой. Без защиты. Без чужих сценариев. Четвёртая книга серии. Сильная героиня, властный герой, семейные тайны и любовь, которую не смог запланировать никто.

© Ветлина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Тот, кто снимал	5
ГЛАВА 2. Часы «Полёт»	8
ГЛАВА 3. Торжок	11
ГЛАВА 4. Мужской разговор	14
ГЛАВА 5. По сценарию	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ева Ветлина

Ты была первой

ГЛАВА 1. Тот, кто снимал

Даша просидела над фотографией ещё минут десять. Потом поняла, что больше не может сидеть.

Она встала, прошла по коридору и остановилась у двери кабинета. Из-под неё тянулась полоска тёплого света, слышно было, как Игорь печатает: быстро, раздражённо, с короткими паузами, будто спорит с кем-то, кого нет в комнате.

Обычный звук. Домашний. Ещё неделю назад он её успокаивал.

Она открыла дверь без стука.

Игорь поднял голову. Рукава рубашки закатаны, на столе три пустые кружки, на экране таблица, от которой рябит в глазах. Он увидел её лицо и сразу отодвинул ноутбук.

— Что?

Даша молча положила перед ним телефон.

— Смотри в окно. Не на нас. В окно.

Он посмотрел. Сначала коротко, как смотрят на ерунду. Потом взял телефон в руки, развёл пальцами изображение, и Даша увидела, как у него дёрнулся угол рта.

— Это снято твоим телефоном, — сказала она. — Двадцать один четырнадцать. Месяц назад. Ты держишь Утро, я рядом. А кто снимает, Игорь? Я не помню. Я весь вечер пытаюсь вспомнить и не могу.

Голос сорвался на последнем слове, и это разозлило её сильнее, чем фотография.

Игорь смотрел на экран. Долго. А потом вдруг откинулся на спинку кресла и засмеялся. Негромко, хрипло, с таким облегчением, что Даша на секунду опешила.

— Ты издеваешься?

— Даш. — Он провёл ладонью по лицу. — Это ужин. Тот, перед свадьбой. Помнишь, мы обсуждали, кого куда посадить, и ты сказала, что если тётю Лиду посадить рядом с моими партнёрами, свадьба закончится раньше первого танца?

Она помнила. Помнила, как смеялась. Помнила, как Утро размазала крем по скатерти.

— Это Вадим снимал, — сказал Игорь. — Я дал ему свой телефон. Он ещё ворчал, что у меня неудобная камера и он не понимает, где тут кнопка.

Вадим.

Даша закрыла глаза, и вечер вернулся целиком, будто кто-то включил свет. Вадим Петрович в сером свитере, с коробкой «Наполеона» из пекарни на Советской, которую он почему-то считал лучшей в Твери. Вадим, поднимающий бокал с соком, потому что за рулём: «За то, чтобы в этом доме всегда было шумно». Вадим, который подбрасывал Утро к потолку, пока Даша делала вид, что ей не страшно.

Вадим, который бывал у них так часто, что она перестала его замечать. Как перестают замечать вешалку в прихожей.

Она открыла глаза.

— Он стоял у тебя за спиной, — медленно сказала она. — А стекло было тёмным. Поэтому он и отразился.

— Поэтому он и отразился, — повторил Игорь и протянул ей телефон. — Всё. Никакого призрака. Иди спать.

Даша взяла телефон, но не ушла.

Облегчение было тёплым и коротким, как глоток горячего чая на морозе. Через минуту под ним проступило другое.

Вадим Шелест.

Она уже видела это имя. Не на экране телефона. На распечатке у Артёма, в колонке «Инициатор», напротив почти каждой встречи того марта. Тогда Игорь взял лист, прочитал и сказал только: «Оставь это мне». А потом была свадьба, потом Марина с мальчиком, потом кофейня, маршрут, чужие заметки в её собственном телефоне. И имя утонуло, как мелкая монета в глубоком колодце.

— Игорь, — сказала она. — Список Артёма.

Он не переспросил. И это было хуже любого ответа.

— Ты сказал, что разберёшься, — продолжила она. — Ты разобрался?

— Да.

— И что?

Он помолчал. Потом поднялся из-за стола, подошёл к окну и встал к ней спиной. Та самая поза, которую она помнила по первым месяцам их войны: когда он не хотел, чтобы она видела его лицо.

— Я проверил его, — сказал он. — Тихо. Счета, переписку, поездки за тот март. Ничего. Вообще ничего, Даш. Чистый, как лист бумаги.

— Когда?

— Сразу после того вечера у Артёма.

— И ничего мне не сказал.

— Нечего было говорить.

— Нечего, — повторила Даша. — Человек организовывал встречи, на которых женщина с моим лицом подписывала бумаги. И тебе было нечего мне сказать.

Он резко обернулся.

— А что я должен был сказать? Что человек, который восемь лет прикрывает мне спину, который приехал в роддом в пять утра с термосом кофе, который учил меня держать Утро так, чтобы не уронить, — что он под подозрением? Без единого доказательства? Перед самой свадьбой?

— Да! — Она даже не заметила, что повысила голос. — Именно это ты и должен был сказать!

— Чтобы ты что? Перестала с ним здороваться? Начала проверять, не он ли что-то подсыпает в торт?

— Чтобы я знала, кого пускаю в свой дом!

Слова ударились о стены кабинета и повисли. Где-то наверху, в детской, скрипнула кровать. Оба замерли и прислушались. Утро не проснулась.

Даша заговорила тише, но от этого стало только хуже.

— Ты пустил его к нам за стол. Дал ему свой телефон. Он стоял в нашей гостиной, за твоей спиной, и смотрел прямо в объектив. Ты видел, как он смотрит?

Игорь снова взял телефон, нашёл снимок, приблизил отражение. Размытое лицо, светлое пятно свитера. Взгляд в камеру. Ровный, внимательный, слишком серьёзный для человека, которого просто попросили сфотографировать счастливую семью.

— Он всегда так смотрит, — сказал Игорь, но уже не так уверенно.

— Знаешь, что самое смешное? — Даша обхватила себя руками. — Год назад я бы устроила тебе скандал из-за одного женского имени на экране твоего телефона. А сейчас я злюсь, потому что ты снова решил за меня. Ты решил, что мне не нужно знать, ради моего же покоя. Ты помнишь, чем это кончилось с архивом?

Он помнил. Она видела это по тому, как напряглась его челюсть.

— Ты обещал, — сказала она. — Без побегов и недосказанностей.

— Обещал, — глухо согласился он. — И не сдержал. Прости.

Он не стал ничего добавлять. Не стал объяснять, как сильно хотел её защитить. И Даша вдруг поняла, что не знает, что с этим делать. С ссорой она бы справилась. С оправданиями тоже. А вот с коротким «прости» без защиты справляться было нечем.

Она подошла к столу и положила телефон экраном вверх.

— Утром ты позвонишь ему, — сказала она. — Или я.

— Я позвоню.

— Нет. — Она покачала головой. — Сначала я подумаю. Я больше не хочу, чтобы кто-то решал за меня, когда мне можно знать правду. Даже ты.

Он смотрел на неё так же, как тогда, в баре в Сочи. Будто не мог решить, злиться ему или восхищаться.

— Ты невозможная, — сказал он.

— Я знаю.

Она уже взялась за ручку двери, когда он сказал ей в спину:

— Даш. Я правда ничего не нашёл.

Она не обернулась.

— Вот это меня и пугает. Люди редко бывают настолько чистыми.

Спать она легла в детской, на узком диванчике рядом с кроваткой Утро. Не потому что хотела наказать Игоря, хотя он, конечно, так и подумает. Просто рядом с дочерью дышалось ровнее.

Утро спала, раскинув руки, и во сне хмурилась точь-в-точь как отец, когда читает договор. Даша смотрела на неё и перебирала в памяти лица. Вадим на свадьбе. Вадим в роддоме. Вадим с «Наполеоном». Добрый. Надёжный. Незаметный.

Самые опасные люди, подумала она, засыпая, совсем не похожи на опасных.

Её разбудила вибрация телефона в половине седьмого. За окном было ещё серо, по стеклу ползли капли. Утро сопела, уткнувшись носом в плюшевого зайца.

Даша нащупала телефон и прищурилась от яркого экрана.

Сообщение. С номера, который она знала, хотя ни разу им не пользовалась. Игорь когда-то сам внёс его в её контакты: «На всякий случай. Если меня не будет рядом, звони Вадиму. Он решит любой вопрос».

«Дарья, доброе утро. Простите, что так рано. Нам нужно поговорить. Без Игоря. Это важно для вас, а не для него».

Даша перечитала сообщение дважды.

Потом посмотрела на спящую дочь. Потом на дверь, за которой спал или не спал Игорь.

И, прежде чем успела передумать, написала: «Где и когда?»

ГЛАВА 2. Часы «Полёт»

Вадим ответил через минуту: «Набережная Степана Разина, столовая „Волжская“. В девять. Там тихо».

Даша фыркнула. Столовая. Человек, который восемь лет был правой рукой Игоря Громова, назначал встречу в столовой с клеёнкой на столах. Либо это была шутка, либо он очень хорошо понимал, где их точно не увидит никто из знакомых.

Скорее второе. Вадим Петрович вообще ничего не делал просто так. Теперь она это понимала.

Когда она спустилась на кухню, Игоря уже не было. На столе стояла чашка с остывшим кофе, рядом лежала записка, написанная его быстрым угловатым почерком:

«Уехал на совещание к восьми. Позвоню Вадиму в обед. Не делай глупостей. Пожалуйста».

Последнее слово было подчёркнуто дважды.

Даша посмотрела на записку и почувствовала, как внутри снова поднимается вчерашняя злость. Не делай глупостей. Будто она девочка, которая полезет в шкаф проверять, нет ли там бабайки.

Она сложила записку пополам и убрала в карман.

В половине девятого пришла Галина Сергеевна, няня, полная, неторопливая, в неизменном вязаном жилете. Утро радостно завопила и поползла к ней через всю гостиную. Даша поцеловала дочь в макушку, надела пальто и уже в дверях вдруг остановилась.

— Галина Сергеевна. Вас ведь Вадим Петрович к нам порекомендовал?

Няня удивлённо подняла брови.

— Нет, Дашенька. Меня ваша подруга привела, Оксана. Вы разве не помните?

Даша помнила. Конечно, помнила. Просто за последнюю неделю она разучилась верить собственной памяти.

— Помню, — сказала она. — Извините. Не выспалась.

Столовая «Волжская» оказалась именно такой, какой Даша её себе представила. Низкий потолок, запах котлет и компота, раздача с алюминиевыми подносами, пожилая кассирша, которая смотрела на посетителей так, будто каждый был ей должен. За окнами серой полосой лежала Волга.

Вадим сидел в дальнем углу, у окна. Перед ним стояли два стакана в подстаканниках. Он поднялся, когда она вошла, дождался, пока она сядет, и только потом сел сам. Старая школа. Раньше ей это нравилось.

— Я взял вам кофе, — сказал он. — Здесь он растворимый, простите. Без сахара.

Даша не притронулась к стакану.

— Откуда вы знаете, что я пью без сахара?

Он чуть улыбнулся. Морщинки у глаз собрались лучиками.

— Дарья, я восемь лет сижу у вас за столом. Я знаю, что вы пьёте без сахара, что не любите, когда вас называют Дашенькой, и что вы терпеть не можете, когда Игорь решает за вас. Последнее, полагаю, и привело вас сюда без него.

— Вы очень наблюдательны.

— Это моя работа.

— Ваша работа — замдиректора по развитию.

— Сейчас да. — Он кивнул. — А до этого двадцать лет я занимался безопасностью. Привычка смотреть остаётся.

Даша положила телефон на стол экраном вверх. Открыла фотографию с ужина. Ту самую, с отражением.

— Вы смотрели в объектив.

— Смотрел, — согласился Вадим. — Я всегда смотрю туда, куда смотрят все остальные. Тогда видно, кто смотрит не туда.

— Очень философски. А теперь давайте без загадок.

Он не ответил сразу. Взял свой стакан, сделал глоток, поморщился: кофе и правда был ужасный. Поставил обратно. Подтянул рукав свитера.

И Даша увидела часы.

Старые, с потёртым кожаным ремешком, с круглым циферблатом и тонкими стрелками. «Полёт». Такие носили деды в советских фильмах. На запястье человека, который мог позволить себе любые, они смотрелись странно. Почти трогательно.

И очень знакомо.

Даша не стала спрашивать. Она открыла в телефоне другую фотографию. Ту, из своего старого аккаунта. Кофейня, стол у окна, чашка. Подпись «Пока всё идёт по плану». И мужская рука на краю кадра, напротив. С часами на потёртом ремешке.

Она развернула телефон к нему и положила рядом со стаканом.

Вадим посмотрел на экран. Потом на свою руку. Потом на неё.

Отпираться он не стал. Только вздохнул, коротко, как человек, который долго нёс тяжёлую сумку и наконец поставил её на пол.

— Я знал, что вы найдёте, — сказал он. — Вы всегда всё находите.

— Это вы. В той кофейне. Напротив той женщины.

— Я.

— За неделю до того, как я познакомилась с Игорем.

— За восемь дней, если быть точным.

Даша почувствовала, как холодеют пальцы. Она спрятала руки под стол, чтобы он не видел.

— Рассказывайте.

Вадим посмотрел в окно, на Волгу.

— Я зашёл в «Ласточку» на Трёхсвятской выпить кофе. Увидел вас у окна. Подумал, что это вы, и подсел. Хотел поздороваться. — Он помолчал. — А через минуту понял, что это не вы.

— Как?

— Она держала чашку двумя руками. Вы держите одной, а второй всё время что-то трогаете: салфетку, телефон, край стола. Вы не умеете сидеть неподвижно. А эта сидела как статуя. И смотрела на меня так, будто ждала именно меня.

Он перевёл взгляд на Дашу.

— А потом она сказала: «Вы опоздали, Вадим Петрович».

У Даши пересохло во рту.

— Она знала ваше имя.

— Знала. Я спросил, кто она такая. Она улыбнулась, допила кофе, взяла телефон, сфотографировала свою чашку прямо вместе с моей рукой и ушла. Я вышел за ней через десять секунд. На улице её уже не было.

— И вы ничего не сделали.

— Я пытался. — В его голосе впервые за разговор прорезалось что-то живое, похожее на досаду. — Я неделю искал эту женщину. Камеры, знакомые, таксисты. Ничего. Как будто её нарисовали. А потом вы познакомились с Игорем, и всё завертелось так быстро, что я решил: показалось. Старею.

— А в марте? Когда она пришла на встречу вместо меня? Это ведь ваше имя стоит в списке. Вы организовывали те встречи.

— Встречи организовывал я, — спокойно сказал Вадим. — Люди на них приходили по чужим пропускам. Женщину, которая пришла седьмого марта, оформлял не я. Я в тот день был в Москве, это легко проверить. Игорь, кстати, проверил.

Даша вспомнила вчерашнее: «Чистый, как лист бумаги».

— Хорошо, — медленно сказала она. — Тогда объясните мне одну вещь. Зачем вы вообще подсели к ней? Вы же не подсаживаетесь ко всем знакомым в кофейнях. Вы не тот человек.

Вадим долго молчал. На раздаче звякнули подносы, кассирша кому-то сердито сказала, что сдачи нет.

— Потому что я за вами присматривал, Дарья, — наконец ответил он.

— Что?

— Не следил. Присматривал. Это разные вещи.

— Для меня никакой разницы! — Она сказала это слишком громко, и пара за соседним столом обернулась. Даша понизила голос. — По чьей просьбе?

— Это не моя тайна.

— Тогда чья?

— Не моя, — повторил он. — Я дал слово. Я уже нарушаю его тем, что сижу здесь.

— Игорь знает?

— Нет. — Вадим посмотрел ей прямо в глаза. — И вот это я и хотел сказать вам без него. Ваш муж ни в чём не виноват. Что бы вы ни узнали дальше, он ни о чём не знал. Он думает, что вы встретились случайно. Пусть хоть в этом вы будете уверены.

Даша смотрела на него и не понимала, что чувствует сильнее: страх или ярость. Восемь лет. Тосты, пироги, «Наполеон». Подбрасывал её дочь к потолку. И всё это время присматривал.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось: «Игорь».

Вадим взглянул на экран и ничего не сказал.

Даша сбросила вызов.

— Знаете, что самое мерзкое, Вадим Петрович? — Она поднялась и застегнула пальто. — Вы говорите со мной как с человеком, которого берегут. А я не хрустальная ваза. Меня не надо беречь. Мне надо говорить правду.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Поэтому я здесь.

— Вы здесь, чтобы ничего не сказать.

— Я здесь, чтобы вы начали искать в правильном месте.

Она развернулась и пошла к выходу. Злость гнала её вперёд, как ветер, и было даже легче: злиться она умела, а вот бояться так и не научилась.

Она уже толкнула тяжёлую дверь, когда он окликнул её. Негромко, но так, что она остановилась.

— Дарья.

Она обернулась.

Вадим всё так же сидел у окна. Седой, усталый человек в сером свитере, с дедовскими часами на руке. Совсем не похожий на опасного.

— Спросите Веру Николаевну, — сказал он, — почему в девяносто восьмом году она уехала из Москвы ночью. С двухлетним ребёнком на руках и с одной сумкой.

Дверь за спиной Даши захлопнулась сама.

Она стояла на крыльце столовой, под мелким холодным дождём, и не чувствовала ни дождя, ни холода.

Она никогда не говорила Вадиму, как зовут её маму.

И она никогда в жизни не слышала, что они жили в Москве.

ГЛАВА 3. Торжок

Из столовой Даша поехала не домой, а в «Мельницу» на Советской. Села в своём кабинете, закрыла дверь и полчаса смотрела в одну точку.

Москва.

Она родилась в Торжке. Так было написано в свидетельстве о рождении, так она писала во всех анкетах, так отвечала, когда кто-то спрашивал. Деревянный дом на Луговой, яблоня под окном, школа через дорогу, где мама почти тридцать лет вела русский и литературу. Никакой Москвы в этой истории не было.

И отца в ней тоже почти не было. Только несколько фраз, которые мама произносила сухо и неохотно, как диктант. Его звали Костя. Он пил. Он поднимал на неё руку. Он умер, когда Даше было три года, и вспоминать о нём не надо. Точка.

Даша никогда не спорила с этой историей. Зачем спорить с тем, что давно закончилось?

Телефон зазвонил снова. Игорь. Третий раз за утро. Она смотрела на экран, пока звонок не оборвался, а потом написала коротко:

«Я в порядке. Забираю Утро и еду к маме. Пожалуйста, пока не звони. Мне нужно подумать».

Ответ пришёл почти сразу:

«Ты встречалась с Вадимом».

Не вопрос. Конечно. Вадим, наверное, позвонил ему сразу, как она вышла. Или Игорь понял сам. Он всегда понимал.

Она не ответила.

До Торжка был час дороги. Утро спала в автокресле, крепко прижав к себе зайца, за окнами тянулись голые поля, мокрые деревни, серое небо без единого просвета. Даша вела машину и пыталась вспомнить хоть что-нибудь до Торжка. Запах, звук, комнату. Хоть что-нибудь.

Ничего. Самое первое воспоминание: она стоит на табуретке у кухонного окна в доме на Луговой и смотрит, как мама развешивает бельё. Ей лет пять.

А до этого как будто темнота.

Мама встретила их у калитки, в старой куртке поверх домашнего платья. Вера Николаевна Мельникова, пятьдесят шесть лет, прямая спина, короткая седая стрижка, очки на цепочке. Ученики её боялись и обожали, и через двадцать лет приходили на День учителя с цветами.

— Предупреждать надо, — сказала она вместо приветствия, но глаза уже светились. — У меня даже котлет нет.

— Мам, у тебя всегда есть котлеты.

— Пожарские. Позавчерашние. Это не считается.

Утро проснулась, увидела бабушку и требовательно протянула руки. Мама подхватила её, прижала к себе и сразу превратилась в другого человека: мягкого, смешного, беспомощного от любви.

В доме пахло яблоками и печкой. Всё было как всегда: кружевные салфетки, книжные полки до потолка, портрет Пушкина над письменным столом, часы с кукушкой, которая давно не куковала. Даша сидела на кухне, пила чай из старой чашки с отбитой ручкой и не знала, с чего начать.

Начала мама.

— Ну, — сказала она, когда Утро уснула на диване в комнате. — Рассказывай. Поссорились?

— Немного.

— Из-за чего?

Даша поставила чашку.

— Мам. Мы когда-нибудь жили в Москве?

Чашка в маминой руке не дрогнула. Мама слишком долго была учительницей, чтобы выдавать себя руками. Но на секунду она замерла, а потом слишком аккуратно, слишком медленно поставила чашку на блюдце.

— С чего ты взяла?

— Просто ответь.

— Нет. Не жили. — Мама поднялась и отошла к плите. — Ты будешь котлеты или нет? Я разогрею.

— Мама.

— Даша, у тебя что-то случилось с мужем, а ты спрашиваешь меня про Москву. Давай сначала про мужа.

Она говорила ровно, своим учительским голосом, и стояла к Даше спиной. Как Игорь вчера у окна. Даша вдруг подумала, что все, кто ей дорог, умеют одно и то же: отворачиваться в самый важный момент.

Больше она в тот вечер не спрашивала.

Они ужинали, купали Утро в старом тазике, потому что ванная в доме была крошечной, смотрели какой-то сериал, который мама обожала и над которым потом ругалась. Мама больше не вспоминала про Москву. И Даша ясно видела: мама ждёт, что она тоже не вспомнит. Как в детстве, когда неудобный вопрос можно было переждать, пока ребёнок не отвлечётся.

Только Даша давно уже была не ребёнком.

Ночью ей не спалось. Она лежала на своей девичьей кровати, под тем же ковром с оленями, слушала, как в соседней комнате похрапывает мама, а за стеной сопит Утро, и думала о том, где в этом доме можно что-то спрятать.

Таких мест было немного. Подпол, где хранилась картошка. Сарай. И антресоль в коридоре, куда мама всегда складывала «бумаги». В детстве Даше туда лазить запрещалось строго-настрога. Там, говорила мама, документы, и если ты что-нибудь потеряешь, мы останемся без пенсии.

В половине третьего Даша встала, взяла с кухни табуретку и тихо поставила её в коридоре.

На антресоли пахло пылью и нафталином. Коробки с ёлочными игрушками. Свёрток со старыми шторами. Папки с мамиными школьными грамотами. И в самой глубине, за всем этим, обувная коробка, обмотанная бечёвкой.

Даша сняла её, села прямо на пол в коридоре и развязала бечёвку.

Письма.

Десятки писем в одинаковых конвертах. Плотных, дорогих, кремового цвета. На каждом мамин адрес, написанный одним и тем же твёрдым мужским почерком. И обратный адрес: Москва. Отправитель: К. А. Северин.

Ни одно не было вскрыто.

Даша перебирала конверты, и у неё дрожали пальцы. Штемпели. Тысяча девятьсот девяносто девятый. Двухтысячный. Двухтысячный. Две тысячи третий. Каждый год по одному, а иногда по два. Перед Новым годом и в конце мая.

В конце мая у Даши был день рождения.

Потом письма стали приходить реже. Потом был перерыв в несколько лет. И самое последнее, со штемпелем двухлетней давности. Тоже нераспечатанное.

А сверху, на всех конвертах, лежала фотография.

Даша узнала её сразу. Сердце ударило один раз, тяжело, как молоток. Она сама, на кухне своей старой квартиры, без макияжа, с собранными волосами, смотрит куда-то в сторону. Та

самая фотография, которую куратор показывал Марине на собеседовании. «Она просто ещё не знает, что мы её выбрали».

Даша не помнила, когда её сделали. А потом вспомнила. Мама приезжала к ней в гости, сидела напротив с телефоном, и Даша сказала: «Мам, не снимай меня такой страшной». А мама ответила: «Ты у меня самая красивая, когда не стараешься».

Она так и просидела на полу до рассвета. Не открыла ни одного письма. Почему-то это казалось неправильным, пока мама спит.

В семь утра скрипнула дверь маминой комнаты.

Вера Николаевна вышла в коридор в халате, увидела табуретку, раскрытую антресоль, Дашу на полу и коробку у неё на коленях.

И села.

Прямо на пол, у стены, напротив дочери. Медленно, как будто ноги просто перестали её держать.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Это ты ему отправила, — сказала Даша и подняла фотографию. — Да?

Мама кивнула. Губы у неё были белые.

— Два года назад. Он написал, что видел тебя. Случайно, где-то на конференции. Что узнал сразу, потому что ты похожа на меня в молодости. Умолял разрешить ему хотя бы посмотреть на тебя. — Мамин голос стал совсем тихим. — Я отправила одну фотографию. И написала, что если он когда-нибудь подойдёт к тебе, я сделаю всё, чтобы ты узнала, кто он такой. Больше я его писем не открывала.

— Кто он, мама?

Вера Николаевна закрыла глаза. Когда она снова их открыла, в них не было ни учительской строгости, ни мягкости. Только очень старая, очень долгая усталость.

— Твой отец не умер, Даша, — сказала она. — Его зовут Константин Северин. И уже два года он знает, где ты живёшь.

ГЛАВА 4. Мужской разговор

Игорь перечитал её сообщение раз двадцать.

«Пожалуйста, пока не звони. Мне нужно подумать».

Он и не звонил. Сидел в машине на парковке у офиса, с выключенным двигателем, и смотрел, как дождь заливает лобовое стекло. Сопровождение закончилось час назад. Что на нём решили, он не помнил.

Злился он не на неё. На неё он вообще не умел долго злиться, хотя она, кажется, была уверена в обратном. Злился он на себя. Вчера ночью она стояла в дверях кабинета, бледная, с телефоном в руке, и смотрела на него так, как не смотрела с той самой набережной, где он сказал ей: «Это не то, что ты думаешь». А он засмеялся. Ему стало легче, и он засмеялся.

Идиот.

В обед он позвонил Вадиму. Тот ответил после первого гудка, будто держал телефон в руке.

— Она была у тебя, — сказал Игорь.

— Была.

— Что ты ей сказал?

Пауза.

— Игорь, приезжай вечером ко мне. Не в офис. Домой. Это разговор не для телефона.

— Ты мне хотя бы скажи, она в порядке?

— Она злая, — ответил Вадим. — Значит, в порядке.

И повесил трубку.

Вадим жил в Затмачье, в старом кирпичном доме с высокими потолками и скрипучей лестницей. Жена его умерла шесть лет назад, дети давно уехали, и в квартире жили только он и толстый рыжий кот по кличке Бухгалтер. Игорь бывал здесь десятки раз. Пил чай на этой кухне, спорил о делах до трёх ночи, однажды даже спал на этом продавленном диване, когда разругался с поставщиками и не хотел ехать домой.

Сегодня он даже не снял куртку.

— Говори.

Вадим поставил на стол две чашки. Игорь к своей не притронулся.

— Сядь, — сказал Вадим.

— Я постою.

— Сядь, Игорь. Разговор будет длинный, а ты и так на ногах еле стоишь.

Игорь сел. Кот запрыгнул на подоконник и уставился на него жёлтыми глазами, будто тоже ждал объяснений.

Вадим начал не сразу. Сначала долго смотрел на свои руки, на старые часы на запястье, крутил их на ремешке. Игорь знал эту привычку. Так Вадим делал перед тем, как сказать неприятное.

— Ты знаешь, что до тебя я двадцать лет работал на одного человека, — сказал он наконец.

— Знаю. Начальником охраны в каком-то московском холдинге. Ты никогда не рассказывал подробностей.

— «Северин Групп». Константин Аркадьевич Северин.

Игорь пожал плечами. Фамилию он слышал, конечно. Рестораны, недвижимость, какие-то заводы. Крупный зверь из другого леса.

— И что?

— Помнишь конференцию в Москве два года назад? Ту, на которую мы поехали, потому что ты хотел присмотреться к сетевикам?

Игорь помнил. Огромный павильон, сотни людей, бесконечные доклады. Он сбежал оттуда после обеда.

— Северин там тоже был, — продолжал Вадим. — Мы столкнулись в кулуарах. Поговорили как старые знакомые. А потом он вдруг замолчал на полуслове и уставился куда-то в толпу. Стоял так минуту, наверное. Я никогда не видел его таким. Человек, который мог без единого мускула на лице закрыть сделку на миллиард, стоял и смотрел на какую-то девушку у сцены. Девушка смеялась.

Игорь почувствовал, как у него внутри что-то медленно опускается вниз.

— Даша, — сказал он.

— Даша. — Вадим кивнул. — Вечером он позвонил мне и попросил узнать, кто она. Я узнал. Дарья Мельникова, двадцать восемь лет, своя кофейня в Твери. Мать Вера Николаевна Мельникова. До девяносто восьмого года Вера Николаевна Северина.

Игорь не сразу понял. А когда понял, поднялся так резко, что стул отъехал назад и ударился о стену. Кот спрыгнул с подоконника и исчез в коридоре.

— Её отец, — сказал Игорь.

— Её отец.

— Её отец, про которого она думает, что он умер.

— Да.

— И ты знал. Два года. Ты сидел у нас за столом, пил мой коньяк, держал на руках мою дочь, и ты знал.

— Знал, — спокойно сказал Вадим. — И давал слово молчать. Константин Аркадьевич просил одного: не вмешиваться. Вера Николаевна запретила ему подходить к дочери. Он и не подходил. Он только хотел знать, что с ней всё хорошо.

— Это называется слежка.

— Это называется отец, который двадцать пять лет не видел своего ребёнка, Игорь. Ты сам теперь отец. Подумай, что бы ты сделал на его месте.

Игорь хотел ответить. Не смог. Перед глазами вдруг встала Утро: как она хмурится во сне, как тянет руки, когда он входит в комнату. Если бы у него кто-то отнял её на двадцать пять лет.

Он мотнул головой, отгоняя мысль.

— Хорошо. Допустим. А я здесь при чём? Почему в списке Артёма твоё имя напротив каждой встречи? Почему ты сидел напротив её двойника в кофейне?

Вадим помолчал. Потом сказал очень тихо:

— Потому что однажды Константин Аркадьевич спросил меня, кто самый порядочный человек из всех, кого я знаю. Я подумал и ответил: мой начальник.

Игорь смотрел на него и не верил тому, что слышит.

— Ты подложил её мне.

— Нет.

— Ты свёл нас! Как на смотринах! Как каких-то...

— Я никого не сводил. Я показал тебе её фотографию. С того самого форума. Помнишь? Ты тогда ворчал, что какая-то Мельникова собирается открыть третью точку прямо напротив твоей. А я сказал: «Хорошая девочка, упрямая, договорись с ней, чем воевать».

Игорь открыл рот и закрыл. Он помнил. Смутно, как помнят сотни других разговоров в машине, между двумя встречами, с телефоном у уха. Вадим протягивает планшет. На экране женщина у микрофона. Тёмные волосы, злой прищур. «Красивая», — подумал он тогда и сразу забыл.

— А за два дня до вашего знакомства, — продолжал Вадим, — я сказал тебе, что она по утрам пьёт кофе в «Ласточке» на Трёхсвятской. Что можно зайти и посмотреть на неё живьём.

Больше ничего. Никаких сценариев. Никаких инструкций. Я открыл дверь, Игорь. Остальное вы сделали сами.

— Остальное.

— Да. Я не заставлял тебя с ней ругаться. Не заставлял гоняться за ней по всему форуму в Сочи. Не заставлял стоять под её окном под дождём. И уж точно не заставлял тебя в неё влюбляться. С этим ты прекрасно справился сам.

Игорь шагнул к нему и схватил за ворот свитера. Сам не понял, как это произошло. Просто вдруг пальцы сжались на грубой шерсти, а лицо Вадима оказалось совсем близко. Седые брови, глубокие морщины. Спокойные глаза.

Вадим не сопротивлялся. Даже руки не поднял.

— Бей, если надо, — сказал он. — Я заслужил. Только это ничего не изменит.

Игорь стоял и дышал, как после бега. Потом разжал пальцы и отступил.

— А двойник? — хрипло спросил он. — Март? Деньги? Это тоже Северин?

— Нет. — В голосе Вадима впервые появилась тревога. — Вот этого я не понимаю. Константин Аркадьевич о двойнике не знает, я уверен. Я её увидел случайно и неделю искал. Не нашёл. Потом решил, что ошибся. А когда Артём принёс тебе список, понял, что не ошибся. Кто-то влез в нашу историю, Игорь. Кто-то, кто знал про Дашу столько же, сколько я. Может, больше.

— И ты молчал.

— Я писал вам. Без подписи. «Проверь архив за март». «Смотри, кто её привёл». Больше я сказать не мог. Я дал слово.

Игорь вспомнил те сообщения. Как он злился, разглядывая виртуальный номер. Как думал на Алину, на Артёма, на кого угодно. Только не на человека, который сидел у него на кухне каждую пятницу.

— Сегодня утром ты сказал ей больше, чем за два года сказал мне, — медленно произнёс он.

— Потому что это её отец, — ответил Вадим. — Не твой. Она должна узнать первой. От матери, а не от нас с тобой. Ты бы стал её беречь, смягчать, подбирать слова. А ей не нужно, чтобы её берегли. Ей нужна правда. Ты это знаешь лучше меня.

Игорь знал.

Он вышел на лестничную площадку, не попрощавшись. Спустился вниз, сел в машину и долго сидел, положив руки на руль.

«Красивая». Он подумал это, глядя на чужой планшет. А потом зашёл в «Ласточку» выпить кофе. А потом его жизнь развернулась на сто восемьдесят градусов, и он все эти годы был уверен, что это была случайность. Судьба. Единственное, что в его жизни случилось само, без расчёта, без стратегии.

Оказалось, кто-то просто приоткрыл дверь.

Он завёл двигатель. Часы на приборной панели показывали половину двенадцатого ночи. До Торжка час. Даша, наверное, уже спит. А может, и нет.

Он мог подождать до утра. Мог дожидаться, пока она позвонит сама. Мог вообще ничего ей не говорить. Вадим будет молчать, Северин тоже. Никто никогда не узнает, что их встреча в «Ласточке» началась с фотографии на чужом планшете.

Он вспомнил её лицо прошлой ночью. «Ты снова решил за меня».

Игорь выехал с парковки и повернул на трассу.

Он понимал, что едет говорить ей правду, после которой она может не захотеть его видеть. И всё равно жал на газ.

ГЛАВА 5. По сценарию

Они так и сидели на полу в коридоре, друг напротив друга, а между ними лежала обувная коробка с письмами.

Из комнаты донеслось сонное бормотание Утро. Обе замерли. Потом снова стало тихо, только кукушка в часах щёлкнула механизмом, как всегда, без звука.

— Рассказывай, — сказала Даша. — Всё. С самого начала.

И мама рассказала.

Ей было двадцать два, когда она приехала в Москву после педагогического. Снимала комнату на Соколе, работала в школе и подрабатывала репетитором. Одного из учеников, мальчика из богатой семьи, всегда забирал старший двоюродный брат. Высокий, весёлый, с машиной и с цветами, которые он каждый раз «случайно забывал» на подоконнике в учительской.

— Он умел ухаживать, — сказала мама, и в её голосе не было ни нежности, ни злости. Просто факт. — Он умел всё. Покупать, договариваться, выигрывать. Через полгода мы поженились. Через год родилась ты. А через два года он начал меня бить.

Даша молчала.

— Сначала извинялся. Плакал, приносил подарки. Потом перестал извиняться. Работа, деньги, нервы, конкуренты, всё это было важнее. Я была частью его жизни, которую он тоже считал своей собственностью. Как машину. Как дачу. — Мама посмотрела на свои руки. — Однажды ночью он ударил меня, а ты проснулась и заплакала. И он повернулся к твоей кровати. Просто повернулся, ничего не сделал. Но я увидела его лицо. В ту ночь я взяла тебя, одну сумку и уехала к тёте в Торжок.

— А свидетельство о рождении? Там написано, что я родилась здесь.

Мама криво усмехнулась.

— У тёти подруга работала в загсе. Это были девяностые, Даша. Тогда многое делалось за коробку конфет и за хорошее отношение. Я вернула девичью фамилию, а ты стала Мельниковой из Торжка. Он нашёл нас через год. Приехал. Стоял вот у этой калитки.

— И что ты сделала?

— Вынесла ему папку. Справки из травмпункта, которые я собирала два года. Сказала: если ты ещё раз сюда приедешь, это будет в каждой газете. И он уехал. А потом начали приходить письма.

Даша посмотрела на коробку.

— Ты ни одного не открыла.

— Ни одного. — Мама подняла подбородок, и в её глазах наконец блеснули слёзы, злые и упрямые. — Я не хотела знать, каким хорошим он стал. Я боялась, что поверю. И что ты согласишься.

Даша хотела что-то сказать, но не успела.

За окном, у калитки, хлопнула дверь машины.

Она узнала этот звук раньше, чем увидела машину. Чёрный внедорожник, на котором она сама сто раз ездила, стоял у забора, забрызганный дорожной грязью до самых окон. Игорь шёл по дорожке к крыльцу, не застёгнув куртку, с таким лицом, будто не спал всю ночь.

Так и было. Потом он скажет, что выехал из Твери в полночь, понял на полдороге, что разбудит ребёнка, и до рассвета просидел в придорожном кафе с одним остывшим чаем, подбирая слова. Ни одно так и не подошло.

Даша открыла ему дверь сама.

Они стояли на пороге и смотрели друг на друга. Она в старом мамином халате, с опухшими от бессонницы глазами. Он небритый, с тёмными кругами под глазами.

— Ты знаешь, — сказала она. Не спросила.

— Вадим рассказал. Вчера ночью.

— Тогда заходи. Мама как раз закончила.

Вера Николаевна уже стояла у плиты в переднике, с прямой спиной, и делала вид, что варит кофе. Игорю она коротко кивнула. Утро проснулась, услышала голос отца, завопила от восторга и уже через минуту сидела у него на коленях, вцепившись в куртку.

Даша села напротив.

— Говори.

И он рассказал. Конференция. Северин, который замер посреди разговора. Вадим, которого попросили «присмотреть». Планшет с её фотографией с форума. «Хорошая девочка, упрямая, договорись с ней, чем воевать». И «Ласточка» на Трёхсвятской, куда он зашёл выпить кофе, потому что Вадим сказал, что она там бывает по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.